

29.10 — 5.11.92.

Эс

Журнал и сценарий — 1992 — 29 окт. — 5

СРЕДА

нояб. (м 44) — с. 16

Следуя традиции зарубежных кинокомпаний, выпускающих боевики с продолжениями (смотри: «Терминатор II», «Рембо III»), мы продолжаем публикацию коллекции курьезов кинорежиссера Леонида Марьягина («ЭС» № 40—41, 1992).

Шитье-бытье

Профессия везде профессия. В 40-м году после присоединения Латвии Утесов приехал в Ригу. Пришел к знаменитому портному и попросил сшить костюм.

— Но учтите, я в Риге всего три дня, — уточнил он.

— Вы получите костюм завтра, — абсолютно равнодушно ответил портной.

— Как вы успеете? — удивился Леонид Осипович.

— У нас еще нет планового хозяйства, — объяснил портной.

— Я хотел бы, чтобы новый костюм выглядел не хуже этого, — и Утесов показал на свой, лучший, одетый по случаю «заграничного» вояжа.

Портной обошел вокруг артиста, осматривая каждый шов, каждую складку:

— Кто вам шил это?

— Зингер, — гордо заявил Утесов.

— Меня не интересует фамилия, — отрезал портной, — я спрашиваю, кто он по профессии?

Соотношение величин

К знаменитому мхатовскому актеру Борису Ливанову в гримборную заглянул помощник режиссера:

— Вас просили зайти в художественную часть.

— И не подумаю, — отрезал Ливанов, продолжая снимать грим.

— Меня же спросят: почему? Что мне сказать? — робко добивался ответа помреж.

— Скажи: целое не может ходить к части.

Творческое лицо

Праздновался юбилей режиссера. Обладателя ряда призов, постановок, солидной фигуры и огромных вислых щек.

Первый оратор начал:

— В вашем лице мы приветствуем смелость и новаторство.

Второй:

— В вашем лице мы приветствуем открытие новых тем и горизонтов.

Третий был конкретнее. Он заявил:

— В вашем лице мы приветствуем ваши щеки.

Урок русского языка

Сергей Михайлович Эйзенштейн работал в павильоне после очередной накачки по «Ивану Грозному». На съемку зашел очень популярный молодой актер, покровительственно похлопал режиссера по плечу и подбодрил:

— Ты, Сережа, не тушуйся, все будет как надо.

После ухода киногероя кто-то из окружения мастера в тишине выдавил:

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ-II...

— Сергей Михайлович, а почему он с вами на ты?

— Вы — для него множественное число, — пожал плечами Эйзенштейн.

Затирка кое-что знал

Кинорежиссеру Ивану Пырьеву в сталинские времена выдали отрез синего бостона на костюм. Известный кинематографический портной Затирка почему-то отказался шить костюм из предложенного материала, и прекрасную двубортную пару соорудил Пырьеву другой портной.

В какой-то день время съемок у Пырьева наползло на время приема в Кремле, и режиссер, с утра облачась в прекрасный новый костюм, сразу после съемок поехал в Кремль. Прием уже затухал, но Пырьев нашел за столом свободное место и с аппетитом намазывал черную икру на хлеб, когда услышал за своей спиной голос:

— Начальник сказал — икрой не увлекаться! Для наших — пирожки в углу.

Пырьев обернулся: за его спиной стоял человек в синем бостоновом костюме. Пырьев обвел глазами стол — каждый четвертый за столом тоже был в синем бостоне.

Поклоны за Кутузова

С одним исполнителем роли в моем фильме я приехал на гастроли в Нижний — тогда еще Горький. Успех наших выступлений и фильма превзошел ожидания: приходилось назначать дополнительные сеансы и к концу дня мы здорово выдыхались. Особенно тяжело было исполнителю роли — человеку весьма тучному. На пятом вечернем выступлении я, стоя у микрофона, заметил, что женщина в первом ряду делает мне какие-то знаки. Пришлось прерваться:

— Я что-нибудь не то говорю?

— То, то, — и женщина, с которой я не спускал теперь глаз, принялась за записку, переданную мне ее спутником тотчас же. В записке значилось: «Разбудите исполнителя».

Я повернулся в сторону моего коллеги-гастролера, и, естественно, теперь весь зал смотрел на него. Исполнитель, разогретый прожекторами, и не только ими, спал, конечно, похрапывая.

Нужно было срочно выходить из положения, и я уверенно заявил:

— Кутузов тоже спал на военных советах, но победил Наполеона!

В зале засмеялись и зааплодировали. Исполнитель открыл глаза, встал и с большим достоинством поклонился.

При звании

Оба артиста писали. Один — фельетоны для собственного исполнения. Другой — куплеты. Оба работали в одной эстрадной программе. Фельетонисту присвоили звание заслуженный артист, а куплетист долго ходил без звания. Вообще-то оно было — звание лауреата Сталинской премии за участие в «великом» фильме «Клятва», но в ту пору говорить об этом было неприлично, и куплетист мучался от собственной ущербности. Документы на звание засылали в инстанции не раз, однако инстанции тянули. И, наконец, куплетист прочитал указ о присвоении ему звания «Заслуженный деятель искусств». Он примчался к фельетонисту и гордо заявил:

— Ты всего-навсего заслуженный артист, а я, — куплетист воздел руку к небу, — заслуженный ДЕЯТЕЛЬ искусств.

— Правильно, — парировал фельетонист, ничуть не обидевшись, — ты и есть деятель, мы тебя никогда за артиста и не держали.

Анекдот на всякий случай

Леонид Утесов пришел на премьеру моего фильма, в котором звучала его старая песня. Утесову было тогда 80 лет. Я представил съемочную группу зрителям, затем и Утесова, сидевшего в зале, заявив, что считаю его членом нашего коллектива и надеюсь, что мы еще много, много раз будем сотрудничать. И только я сделал шаг со сцены, Утесов громко спросил:

— Можно анекдот?

— Конечно.

Он повернулся к залу и прокричал, сложив руки рупором:

— Одного 80-летнего человека суд приговорил к 25 годам. В заключительном слове старик сказал: «Граждане судьи, благодарю за доверие».

Леонид МАРЯГИН.